

СЕГОДНЯ, 17 февраля, как раз год, как господин Мольер умер в своем доме на улице Ришелье, куда он велел себя отнести сразу после четвертого представления «Мнимого больного», на котором ему сделалось плохо. Ему шел 52-й год.

Уже после полудня в этот день он почувствовал сильную усталость и попросил позвать к себе г-на Барона, которого считал как бы своим духовным сыном, и мадемуазель Арманду, свою жену.

Когда они вместе вошли в комнату, он пересилил себя и улыбнулся. Изящество и молодость обоих, вопреки всему, что мучило и тревожило его, всегда рождали на его лице, обычно серьезном, эту чуть печальную улыбку, за которую мы все так его любили,— эту горькую улыбку бесконечной доброты и знания людей.

Конечно, он знал, что малыш Барон, которого он тринадцатилетним подобрал в труппе шарлатанов и которого с такой любовью учил актерскому мастерству, еще во время репетиций «Психеи» стал любовником Арманды. Но каким далеким казалось сегодня Мольеру это предательство... И как хороши и молоды были они оба! И не были ли они в конечном итоге правы, как все влюбленные в его пьесах, не обращающие никакого внимания на страдания стариков.

Помолчав с минуту, он вдруг сказал им, удивленным, оттого что их позвали вместе: «Пока моя жизнь равно вмещала и радости, и горе, я чувствовал себя счастливым. Но теперь горести слишком одолели меня, не оставляя надежды на радость и покой. И потому мне пора выйти из игры».

Мадемуазель Мольер и г-н Барон, как делают все у постели тяжелобольного, стали шуточно бранить его, подсмеиваясь над его вечным пессимизмом, который всем известен.

Мольер молча слушал и улыбался. Но был бледен, и глаза его были закрыты. Тогда их наигранная веселость и уверенность пропали. Они почувствовали вдруг, что ему и в самом деле очень плохо. Опустившись на колени возле его кресла, они принялись убеждать его, что лучше ему сегодня не играть, раз он чувствует себя не вполне здоровым.

Мольер приоткрыл глаза: «Как же, по-вашему, должен я поступить? У меня

Неделя с 10 по 17 февраля 1673 года была последней неделей жизни великого французского комедиографа Жан-Батиста Мольера. Эта неделя началась премьерой его комедии «Мнимый больной». Из сохранившихся документов мы узнали, как провел Мольер свою последнюю неделю: крестил дочь актера и актрисы своей труппы, давал представление с танцами на торжественном обеде, успел четыре раза сыграть в «Мнимом больном». Узнаем мы и о последних часах жизни драматурга — дневник, страничку из которого мы воспроизводим, принадлежит Шарлю де Лагранжу, актеру и летописцу театра Мольера. Документальное описание этого трагического дня находим мы и у современного французского драматурга Жана Ануя. Говоря от первого лица, Ануй как бы включает себя в число действующих лиц этой маленькой трагедии о Мольере.

Жан АНУЙ

ных стоек. Все эти лица мнимых врачей, смешные в утрированном гриме, следили за тем, как он тратит последние свои силы. И ничего не могли сделать. Но вряд ли тут помогли бы и врачи настоящие.

Однако, и это чудо театра мне и прежде приходилось видеть, как мои товарищи артисты выходили на сцену совершенно больными, но держались так, словно во все время спектакля очарование пьесы поддерживало их. А после спектакля падали с ног. По мере того как Мольер играл, он воодушевлялся и голос его креп.

Все шло более или менее хорошо вплоть до финальной церемонии. Чем больше я думаю об этом спектакле теперь, учитывая, конечно, то волнение, которое душило нас в тот вечер, тем лучше понимаю, что никогда еще Мольер так хорошо не играл.

Ибо Мольер был несравненным комическим актером. Вспомните «Версальский экспромт», где он изобразил самого себя. Все, что он нам говаривал, было там. Он нас научил быть смешными и в то же время достоверными.

Я возвращаюсь сейчас к той постыдной истории, которая началась после его смерти из-за участка освященной земли для могилы. Мы все еще оставались ручными обезьянами, которых держат для развлечения. В своих анафемах церковь приравнивала нас к отлученным и другим бесправным — проституткам, наложницам, ростовщикам и колдунам... Поэтому никогда в наших сердцах не хватит благодарности, чтобы воздать ему, важному господину, каким он стал, богатому, уважаемому, перед которым заискивали вельможи (и которому до самого последнего времени покровительствовал сам король), за то, что он считал для себя честью оставаться актером. Г-н Буало-Депрео, который был его другом и всегда и перед всеми его защищал, упрекнул его однажды, страдая от того, что тот, кого он почитал среди первых умов времени, занимается столь постыдным ремеслом.

— Довольствуйтесь сочинительством,— сказал он,— и оставьте подмостки вашим актерам. Это придаст вам более чести в глазах публики, которая станет относиться к вашим актерам, как к наемным слугам, актеры же, кстати, стесненные вашим присутствием на сцене, лучше почувствуют ваше превосходство.

— Ах, друг мой,— ответил ему Моль-

Мольера — бедную скорбную тень, — которого мы кое-как поддерживали, и даже не подумала его проводить.

Она час спустя Барон прибежал за ней и привел ее домой, тот, кто так ее любил (и так мало получал взамен), уже умер.

Тот факт, что г-н Мольер не по своей вине умер без исповеди, нисколько не повлиял на дальнейшее течение событий. Если бы священник пришел вовремя, то еще можно было бы надеяться (как это было с Мадленой Бежар, первой женой Мольера, умершей годом раньше, день в день), что он отречется от профессии актера и этим отречением получит право лежать после смерти в освященной земле. Такого формального условия церкви для того, чтобы хоронить по христианскому обряду нас, людей театра.

На следующий день мадемуазель Мольер, которая искренне страдала и понимала как будто теперь, когда она его потеряла, рядом с каким человеком жила, отправилась к архиепископу, ссылаясь на то, что если Мольер и умер не причастившись, то все же он позаботился, насколько позволяло ему его состояние, о том, чтобы к нему привели священника.

Архиепископ ей отказал.

Между тем г-н Барон отправляется в Сен-Жермен, где находился король, чтобы объявить ему печальную новость, которая как будто тронула государя, о чем он соблаговолил сообщить вслух. В сопровождении юре Отейля (у Мольера в Отейле был маленький дом, в котором он искал убежища от всех своих неприятностей) мадемуазель Мольер вслед за г-ном Бароном также отправилась в Сен-Жермен. Священник должен был засвидетельствовать, что Мольер в последние годы своей жизни был одним из лучших его прихожан.

Король, проходя через галерею после мессы, соизволил остановиться перед мадемуазель Мольер на минуту, и она на коленях умоляла его заставить архиепископа отказать от своего решения. Король хранил молчание. Тогда она, прежде заботившаяся лишь о том, чтобы нравиться, проявила совершенно не свойственные ее характеру ярость и мужество и позволила себе заявить королю, что «если ее муж и был преступником, то все его преступления совершались с личного одобрения «его величества». Барон как мог пытался ее унять. Король, весьма удивленный, мгновение смотрел на нее,

Сегодня, 17 февраля, умер Мольер

пятьдесят человек, живущих только тем, что они зарабатывают. Что будет с ними, если я не смогу играть? Никогда бы себе не простил, если бы по моей вине они хоть день остались без хлеба». И сделав над собой огромное усилие, он встал, отбросив одеяло. И только попросил Барона отправиться в театр — объявить, что сегодня начинаем ровно в четыре. Он боялся, что в ожидании обычного часа растеряет остатки сил.

Встревоженные, мы ждали его в театре. Придя, он проделал, вернее, попытался проделать, чтобы нас успокоить, все свои обычные шутки. И, как обычно, спросил: хорош ли зал, дети мои? И исчез в своей уборной, чтобы надеть последний в своей жизни костюм.

Народу было много, но (возможно, тут повлияло внезапное изменение часа) не так, как на третьем представлении, и, уж конечно, меньше, чем на премьере. Сборы в этот день составили 1.219 ливров против 1.879 ливров, собранных накануне, и 1.992 ливров, полученных от премьеры.

Нельзя сказать, что Париж не интересовался спектаклем, но все же в этот вечер он предпочел другие развлечения. Если бы они знали, конечно же, они бы пришли, все эти почтенные господа и прекрасные дамы, включая злейших его врагов. И были бы счастливы повторять потом: «Да, я был там в тот вечер, когда бедняга Мольер...». Но все же 1.219 ливров мы собрали! Ради того, чтобы их заработать, он и умер. Сам он имел лишь две доли — актерскую и авторскую, остальное мы делили между собой.

Вначале — я следил за ним из-за кулис — я хорошо видел, как трудно ему играть. Сегодня, чтобы высмеять краснотелого притворщика, ему пришлось наложить больше румян, чем обычно. Но чувствовалось, как мертвенно бледно под гримом его лицо.

Конечно, никто из нас не думал, что он может умереть в этот вечер, но все же мы очень беспокоились за него. И все, кто не был на сцене, собрались у кулис

● Мольер в спектакле «Мнимый больной».

17 ФЕВРАЛЯ 1673 г.

В этот же вечер после представления комедии, в десять часов вечера, г-н Мольер умер в своем доме на улице Ришелье, сыграв роль Мнимого больного, чрезвычайно страдал от катара и воспаления в легких, которые вызывали у него кашель настолько сильный, что, делая страшные усилия, чтобы откашляться, он порвал себе вену внутри организма и не более чем через полчаса или три четверти часа после разрыва означенной вены скончался. И его тело зарыто в Сен-Жозеф с помощью прихода Святого Евстафия. Могила на фут возвышается над землей.

Поскольку труппа была в смятении, вызванном этой невосполнимой потерей, король имел намерение соединить актеров, из которых она состояла, с труппой Бургундского олея. Однако, не играя в следующие дни — 19 и 21-го и тшкетно продав распоряжений короля, труппа возобновила спектакли 24-го «Мизантропом». Г-н Барон сыграл главную роль.

ер, — что вы такое говорите? Это честь для меня — оставаться актером.

В финале мы почувствовали, что г-н Мольер странно слабеет. Мы были все рядом с ним, горлана на нашей табарбарской латыни, крича, прыгая, гримасничая и глядя при этом только на его несчастное искаженное лицо... В самом конце, в момент, когда он произносил «Клянусь», которое должно было сделать из него врача и позволить лечить самого себя, гарантируя навсегда от смерти — о, насмешка последней сцены! — с ним сделалась конвульсия. Публика, должно быть, заметила. По залу прошло легкое движение. Мы поняли, что Мольер почувствовал это. Он сделал страшное усилие, расхотался и скрыл под чудовищно нелепой и смешной гримасой ту страшную печать, которую наложила на его лицо смерть. И обманутый зал разом взорвался смехом.

Как только спектакль кончился, мы отвели его в уборную г-на Барона. Его уже трясла лихорадка. Г-н Барон заметил это и не смог скрыть тревоги: «Вам как будто плохо, как никогда». «Это правда,— ответил ему г-н Мольер.— Мне холодно, и этот холод меня убивает».

Г-н Барон взял его за руки — они были ледяными — и попытался согреть их в своей муфте. Мольер тихо улыбался — руки в муфте, — как будто все происходящее уже не имело к нему никакого отношения. Он только спросил, и при этом в глазах его сверкнул огонек, как бывало всегда, когда речь шла о театре: «Что говорят о моей пьесе, Барон?..» Торопясь, в портшезе Барона, понесли его на улицу Ришелье. Когда мы поравнялись с уборной мадемуазель Мольер, стало слышно, как громко смеются там, за дверью. Я не хочу винить эту бедную беззаботную птичку больше, чем винил ее он сам. Она имела успех в пьесе, и после спектакля к ней устремились юные маркизы — с поцелуями и комплиментами... Перед своей закрытой дверью, за которой раздавались фальцеты поклонников ее хрупкого очарования, она пропустила г-на

потом, не проронив ни слова, продолжил свой путь, оставив их среди толпы придворных с непригодными и отчужденными лицами. Однако на следующий день стало известно, что его величество соблаговолил распорядиться, чтобы монсьеур архиепископ сделал все необходимое, дабы избежать в этом деле излишнего шума и скандала.

Г-н архиепископ, повинувшись королю, согласился разрешить погребение в освященной земле с условием, что оно будет совершенно без пышной церемонии в присутствии лишь двух священников и после захода солнца.

Итак, вечером следующего дня тело Мольера было вынесено без мессы.

В вечер похорон, туманный и сырой, как это часто бывает в феврале, все мы с темнотой собрались перед домом Мольера, которым он так гордился и мебелировка которого едва успел закончить. С удивлением увидели мы толпу народа перед дверью. Священников было трое, хотя архиепископ разрешил лишь двоих. Два священника — приходских и еще один — никому не известный. Да будет благословен этот человек, имя которого мы никогда не узнаем, за то, что, вопреки запрещению своего архиепископа, пришел отдать последний долг Мольеру.

Когда опустили гроб, мы, вся труппа, разом отступили назад и склонили головы: гроб был покрыт знаменем цеха обойщиков. В качестве королевского обойщика Мольер имел право на снисхождение.

В полном молчании, при скудном свете свечей, проводили мы останки этого обойщика, который был нашим богом.

Тремя днями позже мы возобновили репертуар «Мизантропом» с Бароном в роли Альцеста. Через десять дней на афишах вновь появился «Мнимый больной», и мадемуазель Мольер снова стала играть роль Анжелики, в которой она так всем нравилась. Надо, чтобы театр продолжался и публика развлекалась; Мольер знал это так же, как и мы.

Публикация и перевод И. МЯГКОВОЙ.